

На правах рукописи

Алексеев Павел Викторович

**Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике
русского романтизма 1820—1830-х годов**

Специальность
10.01.01. — Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск - 2006

Работа выполнена на кафедре литературы Горно-Алтайского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Ольга Борисовна Лебедева

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Валерий Владимирович Мароши

кандидат филологических наук,
доцент Ольга Анатольевна Дашевская

Ведущая организация Кемеровский государственный университет

Защита состоится «19» января 2006 года в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск, ул. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «15» января 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Л.А. Захарова

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование посвящено реконструкции мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820—1830-х годов.

Исследование гипертекстовых структур является одним из приоритетных направлений современного литературоведения. В отечественной научной мысли сформирована устойчивая тенденция рассмотрения групп художественных произведений, объединенных по какому-то доминантному признаку, как единого сверхтекста: это ставшие уже классическими работы Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова по петербургскому тексту русской литературы¹ и Н.Е. Меднис по венецианскому тексту². Большое значение в настоящее время имеет культурологическое понятие текста, рассматривающее функционирование текста в связке «культура—текст».

Проблема «ислам и русская литература», рассматриваемая в такой научной парадигме, не замыкается в рамках проблематики сопоставительного литературоведения, раскрывая силовые линии мирового литературного процесса и дополнительные грани репрезентативности русской литературы по отношению к «мировой». Эта проблема в первую очередь ставит вопросы о сущности самого явления русского романтизма, его сложной целостности и уникальном прозрении мирового единства, когда мифопоэтический сверхобраз мусульманского Востока и комплекс сгенерированных в его структуре смыслов послужил одним из ключей (наряду с сопоставимыми по глубине сверхтекстами христианства, масонства, античности) познания и самопознания.

Учитывая позиции Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и М.М. Бахтина при анализе литературных фактов, можно говорить о том, что возникновение мусульманского текста — глубоко значимый факт, свидетельствующий о готовности русской литературы, как семиотической системы, на этапе 1820—1830-х годов освоить инокультурные художественные структуры.

Актуальность исследования. В истории русской литературы 1820—1830-е годы отмечены знаком наиболее яркого проявления философских и эстетических тенденций, составивших глубину и неповторимое своеобразие русского романтизма. Именно в это время и в структуре этого стиля корпус накопленного художественного материала, свидетельствующего о массовом интересе к мусульманскому Востоку, послужил причиной формирования мусульманского текста русской литературы — сложного знакового образования, сущность которого невозможно выразить исключительно терминами «интерес», «стилизация» и «заимствование».

Вопросы, связанные с функционированием мусульманских элементов в художественных текстах русской литературы вообще и русской романтиче-

¹ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18.

² Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999.

ской литературы в частности, по сей день остаются одними из самых острых и полемичных. В первую очередь это касается проблемы идентификации подобных элементов и установления их роли в архитектонике художественного мира произведений. Например, В.М. Жирмунский¹ и Б.М. Гаспаров² предпочитают рассматривать мотивы из ряда вина, гарема, поэта-пророка, Корана, пустыни, предопределения и т.п. преимущественно как ориентальные, не принимая во внимание религиозно-философскую составляющую их структуры. М.И. Синельников³ и И.А. Ермаков⁴, напротив, уделяют внимание их генетической связи с мусульманской культурой, ограничиваясь их констатацией и классификацией. До настоящего момента проблема «ислам и русская литература» не подвергалась комплексному филологическому рассмотрению, которое при анализе индивидуальных авторских стилей и философско-эстетических тенденций эпохи выходило бы за рамки констатации, приближаясь к их глубокому, всестороннему осмыслению. Это, в свою очередь, невозможно осуществить без системного интертекстуального подхода.

Более того, говоря о месте ислама в русской романтической литературе первой четверти XIX века, пронизанной, как показала Ф.З. Канунова⁵, также библейскими и христианскими мотивами, следует иметь в виду не столько религиозные культуры и не столько религиозные мировоззрения, сколько параметры ментальности, стилей мышления и способов смыслопорождения, которые корреспондируют с соответствующими религиозными системами. Необходимо учитывать также самопонимание ислама и его влияние на литературу мусульманских народов, что до настоящего времени практически не принималось во внимание.

Мусульманский текст русской литературы — это принципиально новый взгляд на проблему «ислам и русская литература», позволяющий объединить в едином исследовательском поле весь материал, связанный с мусульманской философией, «восточным романтизмом»⁶, суфийской поэзией, поэтикой мифа⁷, крымским и кавказским текстами, русской любовной и философской лирикой, а также с большим пластом малоизученного пока «просвещенного мистицизма Александровской эпохи»⁸.

В стилевом отношении мусульманский текст соткан из таких элементов, которые одновременно могут являться элементами других аналогичных сверткестов. Сама структура романтического стиля, по словам Г.А. Гуков-

¹ Жирмунский В.М. Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения // Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979.

² Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. Wien, 1992. С. 232—251.

³ Синельников М.И. Исламские мотивы в русской поэзии // Ислам в России и Средней Азии. М., 1993. С. 60—92.

⁴ Ермаков И.А. Ислам в культуре России. М., 2002.

⁵ Канунова Ф.З. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820—1840-е годы). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

⁶ Каганович С.Л. Русский романтизм и Восток: Специфика межнационального взаимодействия. Ташкент, 1984. С. 59.

⁷ См.: Ходанен Л.А. Миф в творчестве русских романтиков. Томск, 2000.

⁸ Масонство и русская литература XVIII — нач. XIX веков. М., 2000. С. 17.

ского, была как «стиль Корана и стиль Библии вместе и в то же время стиль иранской поэзии и кавказских легенд»¹.

Мусульманский текст — не только литературный факт. Тексты, составляющие это сверхтекстовое образование, необходимо рассматривать в культурно-языковом контексте времени. Художественный текст, которое мы относим к мусульманскому тексту русской литературы, — часть системы, в пределах которой каждый элемент получает дополнительные контекстуальные значения, порожденные полем межкультурного взаимодействия. В этом аспекте исследование мусульманского текста пересекается с предметом специальной дисциплины, названной Ю.М. Лотманом «семиотикой культуры», которая рассматривает «взаимодействие разноустроенных семиотических систем, внутреннюю неравномерность семиотического пространства, необходимость культурного и семиотического полиглотизма»², а отдельный текст — как культурный макрокосм, который «становится значительнее самого себя и приобретает черты модели культуры»³.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного рассмотрения мусульманских компонентов художественных текстов эпохи русского романтизма — периода формирования мусульманского текста русской литературы — для наиболее полного установления внутри- и межтекстовых семантических связей.

Состояние изученности темы. Отечественная наука на протяжении длительного времени занималась проблемой сравнительно-типологического изучения западно-восточных литературных и культурных связей, обобщая и систематизируя ориентальные компоненты художественных текстов начиная с древнерусского периода, о чем свидетельствуют работы К.Г. Менгес, Я.С. Лурье, Ю.Н. Завадовского и др.⁴. Современная наука располагает большим количеством исследований, прямо или косвенно касающихся данной проблематики. Кроме указанных выше авторов следует упомянуть работы Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, С.Л. Каганович, Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Кубачевой, Е.П. Челышева, П.А. Грязневича, Г.Д. Гачева и др.⁵ Однако большая часть

¹ *Гуковский Г.А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 258.

² *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 129—132.

³ Там же.

⁴ См.: *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979; *Благова Г.Ф.* Историко-этимологические заметки о словах басурман—мусульманин и магометанин—мухаммеданин (мохаммеданин) // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969. С. 312—337; *Лурье Я.С.* Русский «чужеземец» в Индии XV века // Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986.

⁵ *Топоров В.Н.* Пространство культуры и встречи в нем // Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988; *Лотман Ю.М.* Современность между Востоком и Западом // Знамя. — 1997. — № 9. С. 157—162; *Лотман Ю.М.* Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л., 1985; *Конрад Н.И.* Запад и Восток. М., 1966; *Иванов Вяч. Вс.* Темы и стили Востока в поэзии Запада // Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. М., 1985. С. 424—470; *Чалисова Н., Смирнов А.* Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабской поэтики // Сравнительная философия. М., 2000. С. 245—344; *Кубачева В.Н.* «Восточная» повесть в русской литературе XVIII — нач. XIX века // XVIII век. № 5. М.—Л., 1962. С. 295—315; *Гуковский Г.А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965; *Аверинцев С.С.* Гете и Пушкин (1749—1799—1999) // Новый мир. — 1999. — № 6. — С. 189—198; *Каганович С.Л.* «Восточный романтизм» и русская романтическая поэзия // Контекст. 1982. С.192—222; *Жирмунский В.М.* Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения // Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979; *Пригарина Н.И.* К вопросу о характере романтизма в вос-

этих трудов рассматривает ориентальные компоненты художественных текстов русской литературы исключительно в русле смежных тем. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что до сих пор не проводилось масштабных, целенаправленных исследований, которые рассматривали бы мусульманские компоненты с разных сторон (генезис, скрытые структуры, моделирование действительности, индивидуальный авторский стиль, полисемантичесность и амбивалентность компонентов, философия, мусульманский Восток как мифопоэтическая категория), связав их в единую систему взаимосвязанных элементов (частично это реализовано только у Вяч. Вс. Иванова). В основном исследователей волнуют вопросы стиля, жанра и сравнительной типологии.

В плане интерпретации скрытых структур мусульманского текста до настоящего времени не было работ, посвященных соотношению мистических философских тенденций русского и «восточного» романтизма (масонство — суфизм), тогда как это имеет, на наш взгляд, большие перспективы в вопросах генезиса и интерпретации структурных элементов мусульманского текста. За последние десятилетия появилось несколько крупных исследований в области масонства и масонской литературы, в частности, это работы В.И. Сахарова, С.А. Фомичева, В.И. Новикова, Дж. Л. Лейтона¹.

Основной **целью** диссертации стало выявление и описание структуры мусульманского текста русской литературы с точки зрения его системности в эпоху становления и наивысшего расцвета — в 1820—1830-е годы.

Цель предопределила следующие **задачи**:

— описать структурно-семиотическую модель мусульманского текста русской романтической литературы;

— систематизировать материал разных источников в связи с проблемой «ислам и русская литература»;

— выявить генезис, философию, особенности структуры мусульманского текста в плане пересечения гетерогенных поэтик русской и мусульманской литератур в контексте мистицизма как международного явления духовной культуры (в сопоставлении масонства и суфизма);

— выявить основные черты поэтики мусульманского текста.

Научная новизна заключается в том, что данное монографическое исследование стало первым опытом структурно-семиотического рассмотрения единства мусульманских мотивов, символов, сюжетов, тем и других элементов, включенных в семиосферу русской культуры, что по-новому раскрывает многие структурные и смысловые особенности художественных текстов периода расцвета русского романтизма. Предложены модели интерпретации скрытых структур, т.е. таких смысловых образований в структуре художествен-

точных литературах XX века // Неизменность и новизна художественного мира. М., 1999; *Чельшев Е.П.* Мир Востока и Пушкин // Наука в России. — 1999. — №1. — С. 75—81; *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия). М., 2002.

¹ См.: Масонство и русская литература XVIII — нач. XIX веков. М., 2000; *Лейтон Дж. Л.* Эзотерическая традиция в русской романтической литературе. Декабризм и масонство. Спб., 1996; *Фомичев С.А.* Пушкин и масоны // Легенды и мифы о Пушкине. Спб., 1995. С. 160—161;

венного текста, которые до настоящего времени были неявно или не вполне доказательно соотносимы с мусульманской культурой.

В ходе анализа художественных текстов русского романтизма к исследованию активно привлекаются теоретические (средневековые восточные трактаты и современные концепции), религиозно-философские (хадисы, тафсиры), сакральные (разные издания Корана и арабский оригинал), языковые (русско-арабский, русско-таджикский словари) и поэтические материалы (суфийская поэзия Руми, Хафиза, Рудаки, Низами).

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды по теории литературы (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, В.В. Виноградов, М.М. Бахтин, Е. Фарыно, Д.С. Лихачев); истории литературы (Ю.В. Манн, Ф.З. Канунова, В.И. Сахаров, О.Б. Лебедева); суфийской поэтике и мусульманскому мистицизму (Е.Э. Бертельс, А.Е. Бертельс, А. Шиммель, М.С. Фомкин); философии, мифологии и культурологии (А.В. Смирнов, В.И. Брагинский, С.П. Григорян, Г.Д. Гачев); компаративистике (В.М. Жирмунский, М.П. Алексеев, А.Н. Веселовский).

Основу **методологии** исследования составляет комплексный структурно-семиотический подход, включающий историко-литературный, типологический, системный и сопоставительный виды анализа, позволяющие дать научное описание проблемы мусульманского текста русской литературы.

Научно-практическая ценность диссертации заключается в исследовании взаимодействия поэтики русского романтизма с восточной поэтикой. В научный оборот термин вводится термин «мусульманский текст русской литературы» и описывается его модель как «мусульманского текста русской романтической литературы» на этапе формирования в 20—30-е годы XIX века. Кроме того, в диссертации уточняются способы научной интерпретации текстов, включенных в традицию тавматургической литературы (масонство, суфизм).

Практическая ценность диссертации заключается в возможности использования ее основных положений и собранного материала в учебном процессе: при чтении общих и специальных курсов по истории русской литературы XIX века, в работе спецсеминаров; при создании тематических сборников произведений художественной литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. В 1820—1830-е годы в структуре русского романтизма складывается мусульманский текст русской литературы, являющийся семиотическим образованием с глубокой философией и сложной структурой. Определяющее значение при этом имеют не столько внешние, сколько внутренние факторы, связанные с особенностями осуществления западно-восточного синтеза в русской литературе.

2. Хронотопический образ мусульманского Востока имеет универсальный характер, определяясь такими параметрами, как амбивалентность, сверхпространственность и атопия.

3. Поэтика мусульманского текста русской литературы тесно связана с поэтикой коранического текста и основанной на нем суфийской литературы.

В связи с этим можно выделить основные параметры мусульманского текста: динамика в пространстве, прозрение бытия, ситуация «свой среди чужих, чужой среди своих», духовный поиск, возвращение.

4. Мусульманский текст русской литературы репрезентирован в творчестве А.С. Пушкина (образец универсализма западно-восточного синтеза), М.Ю. Лермонтова (закрепление пушкинских традиций западно-восточного синтеза) и в массовой литературе (тиражирование мусульманских структур).

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования были представлены в виде доклада на международной конференции «Языки и литературы народов Горного Алтая» (Горно-Алтайск, 2005). Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры Томского государственного университета и Горно-Алтайского государственного университета. Материалы диссертации использовались при чтении спецкурсов по лирике XIX века на филологическом факультете Горно-Алтайского государственного университета. Отдельные положения диссертационной работы изложены в четырех публикациях.

Структура работа. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновываются проблематика, научная концепция, цели и задачи диссертационного исследования, определяется актуальность и научная новизна диссертации, выделяется объект и предмет исследования, методология анализа, рассматривается состояние изученности проблемы, определяется теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

Первая глава, «Семиотика мусульманского текста русской литературы», в целях наибольшей структурированности и логичности расположения теоретического материала разделена на три взаимосвязанные части.

В первом параграфе «**Генезис**» рассматриваются причины формирования мусульманского текста русской литературы. Центральная идея раздела заключается в том, что, кроме очевидных факторов (географическая близость мусульманского мира и долгий исторический период межгосударственного и межкультурного взаимодействия), ключевое значение имела типологическая близость поэтики европейской романтической литературы и восточной поэтики.

Для того чтобы полнее раскрыть содержание термина «мусульманский текст», необходимо дать ему обоснованное определение. Развивая мысль Ю.М. Лотмана о том, что возможность межкультурных контактов обусловлена наличием образов-эквивалентов, своеобразных словарей-билингвов, типа «русский Байрон», которые будут одновременно сигналом двух культур, можно говорить о том, что широкое, разностороннее исследование взаимодействия культур, значительно отличающихся друг от друга, невозможно без такого сверхтекста-эквивалента, основополагающей матрицы, выработанной усилиями этих двух культур. Несмотря на то, что дать однозначное, полно-

стью исчерпывающее определение этому феномену достаточно трудно, следует сказать, что *мусульманский текст русской литературы* — это знаковая система, синтезированный свертхтекст-эквивалент, составленный из множества художественных структур, корреспондирующих с мусульманской семиотической системой и обладающий в общих чертах особенностями текста вообще: единством, связностью, знаковостью, материализованностью и наличием многоуровневой сетки отношений.

Важно определить *критерии отбора художественных текстов* в плане их принадлежности мусульманскому тексту.

Во-первых, поскольку мы рассматриваем *ислам* как семиотическую систему, которая через свойственную только ей сетку координат расчленяет и интерпретирует действительность и создает свойственные только ей модели художественного освоения реальности, в художественном тексте должны быть, прежде всего, элементы коранической философии (А.С. Пушкин «Подражания Корану») и философии мусульманского мистицизма (Д.П. Ознобишин «Ода Гафица» (1827)). При этом мусульманские мотивы не сводятся к разновидности восточных мотивов, а представляют собой модель философского постижения категорий действительности.

Во-вторых, в художественном тексте, созданном в хронологических рамках рассматриваемого нами периода, необходимо, чтобы поступки героев проецировались на ислам, объяснялись его положениями или противопоставлялись им, поскольку в таком случае происходит формирование свертхобраза ислама (А.С. Грибоедов «Дележ добычи» (1825)).

В-третьих, присутствие имен Аллаха и пророка Мухаммада, явная или скрытая цитация Корана или упоминание любого другого атрибута ислама, в котором репрезентирована авторская модальность (Ф.И. Тютчев «Олегов щит» (между 1827 и 1829; начало 1850-х)).

К мусульманскому тексту следует относить также художественные тексты, содержащие мотивы, которые функционируют в тексте по линии «непреднамеренного»; однако свойство любого мотива заключается в том, что он вносит в текстовую структуру информацию о контекстах, в которых побывал однажды, «цитата», «ссылка» потенциально вмещает в себя всю ту литературно-художественную структуру, откуда она заимствуется или куда она обращена¹. Поэтому в художественном тексте такой мотив или такой символ будет потенцией, свернутым текстом, который может быть развернут с мусульманским значением только в том случае, если в контексте произведений этого автора обнаружится эксплицитно мусульманская философия.

Логика исследования подобных структур заключается в том, чтобы определить, говоря словами В.В. Виноградова, «смысл таких «заимствований» и «подразумеваний» в их первоначальном контексте», что в контексте нашего исследования станет «отправной точкой их семантического приспособления к новой композиционной системе. Задача настоящего исследования сводится не только к тому, чтобы установить факт «заимствования», но и к тому, что-

¹ Виноградов В.В. О стиле Пушкина // Литературное наследство: Т. 16—18. М., 1934. С. 154—155.

бы определить значение фразы на ее родине, в контексте ее первоисточника — и затем понять, как это значение применено» в новой художественной системе¹.

Второй параграф «*Философия*» останавливается на рассмотрении коранического текста как знаковой системы, а также основных параметров мусульманской мистической системы — суфизма и основанной на ее принципах поэзии Саади, Руми, Джами. Основной мыслью раздела является положение о том, что произведения мусульманских поэтов-суфиев, начиная с VII века писались с самым широким использованием специальной символики и аллегорий, которые могут быть поняты только человеком, знакомым с системой кодировки суфийского текста. Например, образ друга мог быть прочитан как образ Бога, вино понято как вечность, религия, истина, любовь к Богу, а локоны красавицы — как испытания и трудности этого мира и т.д. Эта кодировка осуществлялась по многим причинам. Одна из главных — стремление, как и у масонов, оградить истину от профанирования ее «толпой». К тому же персидский и тюркские языки, на которых создавались суфийские тексты Саади, Руми, Хафиза, Джами, Султана Веледа и др. не имеют грамматической категории рода, и оригинальные стихотворения откровенно эротического характера должны быть прочитаны как глубоко религиозные.

«Таухид» (абсолютная единственность Бога) и «вахдат-и вуджуд» (единство Бога и бытия), как главные мыслительные категории ислама, пронизывают и связывают в одну систему различные символы, мотивы, идеи, образы суфийской поэзии (в терминологии суфийской поэтики — система «*аль-истилахат аш-шу'ара*»²). Мистическая система суфизма — это универсальный механизм порождения смыслов, позволяющий семиотической системе ислама функционировать вне своих пределов. Например, эротическая и вакхическая образность, которая, казалось бы, в корне противоречит мусульманской морали, является «агентом», который проникает в чужеродную среду иных культур, и, укрепившись, начинает генерировать смыслы, изначально связанные с идеей таухида.

Изучение композиционного единства мусульманского текста русской литературы будет неполным, если не рассмотреть этот вопрос в связи с семиотическими категориями семантики, синтактики и прагматики. Этому посвящен третий параграф — «*Структура*».

Использование данных категорий позволяет представить себе особенности композиционного единства, его развития на уровне отношения изображения к изображаемому, на уровне структурных закономерностей семиотического построения и на уровне значимости каждого элемента текста для реципиента: в структуре мусульманского текста «прописан» образ того, кто является его получателем, программируется его примерное поведение. Получатель мусульманского текста должен обладать следующими характеристиками: быть противопоставленным «толпе», выступать как носитель «инога»

¹ Там же.

² Бертельс Е.Э. Заметки по поэтической терминологии персидских суфиев // Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. М., 1965. т. 3. С. 110.

взгляда на реальность, иметь преимущественно толерантное мышление, быть готовым увидеть «свое» как «чужое».

Модель мусульманского текста может быть построена как некая структурная целостность, обладающая *центром*, составленным из таких произведений, которые наиболее глубоко отражают мусульманскую философию и ментальность, вокруг которого расходятся более широкие *концентрические целостности*, в которых располагаются художественные структуры по градиционному принципу. Чем дальше от центра, тем больше вероятности для художественных структур, составляющих мусульманский текст, входить в другие, смежные мусульманскому, единства (христианские, масонские, иудаистские и т.д.). Например, в одном и том же тексте могут пересекаться несколько понятийных систем, и одни и те же лексемы могут не быть эквивалентными самим себе именно за счет проецирования на разные системные общности (как в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк»). В пределах мусульманского текста все его элементы эквивалентны друг другу, включаются в сеть отношений, соотношенную со смысловым центром.

Кроме того, мусульманский текст, очевидно, расчленим на *уровни*, пронизывающие модель мусульманского текста в вертикальной перспективе с глубинной направленностью: на более низких уровнях сами элементы и их связи имеют все меньшую способность быть опознанными как единицы понятийной системы ислама. В этом случае реципиент (исследователь) вынужден опираться на широкий культурный и биографический контекст, а также на способы декодирования сообщения, выводимые из методов создания «скрытых текстов» в «открытых текстах», двигаясь в противоположном направлении.

В первой главе, кроме того, обосновывается правомерность использования одного из ключевых терминов настоящего исследования — *скрытые структуры*, в форме которых функционирует большая часть смыслов мусульманского текста. Под скрытой структурой в диссертации понимается единство не вполне очевидных семантических связей, которое было целенаправленно сформировано автором или механически перенесено по интертекстуальным каналам и самоорганизовалось вокруг некоторого смыслового узла художественного текста. Также определяются способы интерпретации скрытых структур по аналогии с разработанными в отечественном литературоведении Е.Э. Бертельсом способами рассмотрения структуры суфийского образа.

В пространственно-временной модели мира русского романтизма 20 — 30-х годов XIX века образ Востока приобретает универсальный характер, становится особой мыслительной категорией, важным механизмом преодоления культурной замкнутости с выходом в сферу онтологического переживания мирового единства. Значимость Востока в романтизме уникальна тем, что сложившийся усилиями многих авторов образ имеет мало общего с географическим Востоком, даже там, где авторская мысль рисует якобы реальное восточное пространство (В.А. Жуковский «К Воейкову», А.С. Грибоедов «Дележ добычи», В.И. Туманский «Моя любовь», Е.П. Зайцевский «Вечер в

Тавриде», В.Н. Григорьев «Вечер на Кавказе»); само восприятие Востока (арабского, индийского, китайского и т.п.) остается преимущественно мифопоэтическим. Таким образом, основными характеристиками хронотопа мусульманского Востока можно считать «сверхпространственность» и атопию.

Авторы исходят из общего мифопоэтического представления о Востоке и каждым своим произведением дополняют комплекс его значений, усиливают его амбивалентность и одновременно пытаются ее преодолеть. Это удается далеко не всегда. Более того, преодоление противоречий не составляет всеобщую тенденцию, поскольку эта структурная противоречивость — диалектического характера, без которой нет целостности мифопоэтического образа Востока. Так, в творчестве Пушкина Коран может в одном случае олицетворять самодержавие и тиранию, а в другом случае — гениальную книгу мудрости; Кавказ и Крым, как «чужие» территории, с одной стороны должны засвидетельствовать примат креста над полумесяцем, а с другой стороны именно благодаря своей «чужеродности» символизируют пространство «покоя и воли». В этом, по нашему мнению, видится решение конфликта между интолерантностью «южных» поэм и циклом «Подражаний Корану» А.С. Пушкина.

Вторая глава «Поэтика мусульманского текста» посвящена анализу особенностей функционирования мусульманских элементов в русской литературе на примере произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Бестужева-Марлинского, Д.П. Ознобишина, а также на примере текста «Хождения за три моря» А. Никитина. Поскольку мусульманский текст — явление чрезвычайно широкое и сложное, основная задача, решаемая этой частью диссертационного исследования, заключается в том, чтобы сформировать модели его литературоведческого анализа на отдельных, небольших по объему текстах. Логика выбора художественных текстов данных авторов в качестве объекта исследования поэтики мусульманского текста заключается в следующем. «Хождение за три моря» А. Никитина является первой известной нам в русской литературе попыткой глубокого проникновения в культуру и ментальность ислама и, в контексте рассмотрения метатекстовых структур (например, всей русской литературы как единого текста, единой области непрерывного семиозиса), может быть соотнесено с художественным наследием таких русских романтиков, как А.А. Бестужев-Марлинский и Д.П. Ознобишин, в плане непосредственного контакта с мусульманами и восточной словесностью.

Особенности мусульманских структур творчества Марлинского и Ознобишина, в свою очередь, способствуют разрешению проблем генезиса мусульманского текста, а также масштабности использования мусульманских (коранических) мотивов и особенностей восточной поэтики при создании художественных текстов русской литературы.

Исследование мусульманских компонентов творчества А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова объяснимо центральной, системообразующей ролью, которую эти авторы сыграли в истории русской литературы. Глубокое, многоаспектное осуществление «западно-восточного синтеза» на уровне ментали-

тета и художественных миров их произведений свидетельствует о том, что мусульманский текст русской литературы — уникальное явление, выходящее за рамки массовой литературы. Именно анализ их творчества позволяет выделить ключевую философию мусульманского текста русской литературы — универсализм, стремящийся к созданию метатекста: от тенденции к реминисценциям и автореминисценциям к восприятию всего своего творчества (и далее — мировой культуры) как целого.

Вторая глава содержит три параграфа, призванных дать представление о глубине и сложности мусульманского текста на пути его становления. В первом параграфе *«Хождение за три моря» Афанасия Никитина как прототип романтического западно-восточного синтеза* рассматриваются уникальный пример оформления и функционирования скрытой «мусульманской» структуры, которую мы назвали «аль-исм аль-а'зам» (величайшее имя (Бога)), значимой для раскрытия идейного содержания целого произведения. Рассматриваются также основные параметры, сближающие мусульманскую структуру «Хождения» и романтическую литературу 1820—1830-х годов, среди которых необходимо отметить следующие:

Динамика в пространстве и духовный поиск.

Динамика в пространстве одновременно является динамикой в духовном плане. Стремление русских романтиков найти свое место в культурном пространстве сочеталось с осознанием того, что только выход за пределы любых ограничений может дать ответ на бесконечное количество вопросов. Этим можно объяснить интерес к «чужому», в результате чего в текстах русской литературы появились мусульманские коды. Преодоление расстояний (в духовном смысле) естественным образом связывается с идеей мирового единства, основной принцип которого есть системность: каждое, даже экзотическое, понимание граней бытия, реализованное в тексте, важно именно своей «чуждостью», зеркальной противоположностью «своему». В первой трети XIX века одна из линий формирования и проявления интереса к мусульманской семиосфере состояла из аналогичных «хожениям» путевых записок таких русских путешественников, как Д.В. Дашков, О.И. Сенковский, А.Н. Муравьев, А.С. Норов и т.д. Таких текстов было достаточно для того, чтобы можно было с полной уверенностью назвать просвещенный XIX век «веком пристального интереса к странам Ближнего и Среднего Востока»¹, часто имеющего религиозные обертоны.

Мистицизм и прозрение бытия.

Стремление познать бытие при помощи мистицизма, т.е. раскрывая «спрятанные смыслы», является естественной почвой символизации и десимволизации моделей мира. В общих чертах это соответствует поэтике и философии «вторичных стилей», когда такие художественные системы, как барокко, романтизм, суфизм «отождествляют фактическую реальность с семантическим универсумом, т.е. сообщают ей черты текста, членят ее на план вы-

¹ Наумкин В.В. Пальмовая ветвь русских путешественников (вместо предисловия) // Святые места вблизи и издали: Путевые заметки русских писателей I пол. XIX в. М., 1995. С. 5.

ражения и план содержания, на наблюдаемую и умопостигаемую области»¹: бытие в этом случае воспринимается как текст, написанный в добытийное время некими высшими силами (Богом). Отсюда стремление постичь язык этого текста, декодировать самую суть его сообщения, позиционировать себя в его пределах.

С древнейших времен существует множество мистических способов проникнуть в «тайны мира», через вскрытие: 1. буквенного кода, 2. числового кода, 3. кода имени (имен). Кроме того, написание текста выступает как ситуация «текста в тексте», в котором функционирование символов (или, в терминологии Е. Фарыно, «знакореперентов»)² одновременно формируют «глубину» текста за счет подключения к мифопоэтике, а с другой стороны, дробят единство текста на множество иерархически связанных систем, за счет того, что каждый знакореперент (например, Восток) есть свернутый текст.

Ситуация «свой среди чужих, чужой среди своих».

Ситуация «свой среди чужих, чужой среди своих» — одна из основных психологических ситуаций, или болевых точек, русского романтизма, включающая в себя мотивы демона, путешественника, пленника, пилигрима, пророка, героя. В этот ряд легко входят мотивы переименования (Афанасий Никитин — Ходжа Юсуф Хорасани) и переодевания (Е.П. Ростопчина, «Надевая албанский костюм», 1835).

При этом интерес к «чужому» мусульманскому пространству, на первом этапе — недифференцированный и неглубокий в культурном смысле (что характерно для массовой литературы), в конце концов, приобрел черты психологического, культурного, конфессионального и историософского характера в творчестве Пушкина, Чаадаева, Марлинского и Лермонтова; вслед за тем — вплоть до Гумилева и Бунина, снова стал уделом массовой литературы. Именно эта единичность глубокого проникновения в мусульманскую культуру становится значимой точкой пересечения «Хожения» и литературы русского романтизма.

Возвращение.

Динамика в реальном географическом и духовном пространстве Никитина совершает почти полный круг, прерываемый только смертью: возвращение в данном случае есть не что иное, как манифестация «чужого» как «своего». Обогадившийся (прозревший) персонаж стремится по-иному почувствовать «свое», причем ностальгия — это не полное объяснение его внутреннего состояния. По-новому почувствованное «свое» — это тот предел, достичь которого практически невозможно, потому что в таком случае формируется ситуация тотального одиночества (в русском романтизме — «лермонтовский» код).

В русском романтизме «возвращение» осмысляется как «возвращение к истокам», потерянным корням русской идентичности. Обращение к мусуль-

¹ Смирнов И.П. Мегаистория. К исторической типологии культуры. М., 2000. С. 22—23.

² Фарыно J. Введение в литературоведение. Warszawa, 1991. С. 84.

манскому образу мысли в этом плане не противоречит такому возвращению, поскольку является не отказом от «своего», а опознаванием его как уникама в ряду других (альтернативных) моделей.

Во втором параграфе *«Интерииоризация Востока в массовой литературе 1820—1830-х годов»* предлагаются примеры анализа структур художественных текстов массовой литературы (как «резонирующей среды»¹ мусульманского текста): рассматриваются мусульманские мотивы в кавказских повестях А.А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур», «Аммалат-Бек» и связь образа возлюбленной в стихотворении Д.П. Ознобишина «Ода Гафица» с традицией построения этого образа в суфийской поэтике.

Беллетристика А.А. Бестужева-Марлинского характеризуется частым использованием мусульманских мотивов. Для исследования мусульманского текста русской романтической литературы важно, что его «восточные повести» имели большое влияние, как на писателей массовой литературы, так и на крупных, системообразующих авторов, например, М.Ю. Лермонтова.

Д.П. Ознобишин — известный в этот период поэт-ориенталист, профессиональный переводчик школы С.Е. Раича. В отличие от творчества многих авторов-эпигонов этого периода, стихотворения Ознобишина не лишены иронии, и, следовательно, выходят за рамки элементарного «тиражирования» восточных штампов (хотя его псевдоним «Делибюрадер» как раз ассоциировался с такого рода творчеством), сопрягая в своей структуре анакреонтические и мистические мотивы: «Гангес» (1827), «Рождение перла» (1828), «Могаммед» (1829), «Три розы» (1827), «Продавец невольниц» (1830) и др. Избран для анализа один из многих «восточных» текстов Ознобишина, можно выяснить, сохранился ли при переводе строй мистической философской мысли, свойственный творчеству Хафиза, и, таким образом, описать модель генерации мусульманских смыслов в подобного рода текстах.

Третий параграф *«Западно-восточный синтез: манифестация и закрепление метатекстового универсализма»* посвящен исследованию центрального вопроса: проблемы влияния мусульманской ментальности на русскую литературу. Западно-восточным синтезом, на наш взгляд, не следует называть любой случай сосуществования в тексте «восточных» и «невосточных» кодов — этот термин должен выражать только максимально глубокий интеркультурный синтез, пример которого в этот период можно наблюдать в творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. В общих чертах динамику формирования западно-восточного синтеза на базе массового интереса к мусульманскому Востоку можно представить следующим образом (в терминологии Ю.Е. Прохорова)²: «соприкосновение — приобщение — проникновение — взаимодействие». При «соприкосновении» происходит сопоставление автором культурных стереотипов, что выражается в несколько схематичном использовании культурных реалий Востока. «Приобщение» предполагает уже знание автором основ мусульманской культуры. Знание в этом случае

¹ Гурвич И.А. Беллетристика в русской литературе XIX века. М., 1991. С. 64.

² Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996. С. 106.

может быть поверхностным, однако очень важен аспект сознательности в выборе инокультурных кодов.

Следующий этап формирования западно-восточного синтеза, «проникновение», может рассматриваться как система определенного взаимного учета — первый этап оформления нового, сложного художественного языка. И, наконец, «взаимодействие» должно иметь вид такой семиотической модели, в которой значимой является возможность быстрого перехода от одного кода к другому и владение обоими как «своим». К этому случаю подходит феномен «протеизма» А.С. Пушкина. Закреплением этих пушкинских традиций в 30-е годы можно считать творчество М. Ю. Лермонтова, турецкая сказка «Ашик-Кериб» которого, очевидно, манифестирует ситуацию «взаимодействия» — наиболее глубокого пресуществления феномена западно-восточного синтеза.

В данном разделе предлагается анализ стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» — одного из самых значимых, но и самых загадочных стихотворений поэта периода 20—30-х годов¹. Количество его прочтений к настоящему моменту чрезвычайно многочисленно. Однако для нас важен тот факт, что в современном литературоведении сформировалась устойчивая тенденция истолкования «Пророка» в связи с ориентальными и кораническими мотивами творчества Пушкина, восходящими к феномену его «протеизма» («Подражания Корану»), общей установки на ориентальность и эзотерическую традицию русского романтизма первой половины XIX века².

Открытая таким образом семантическая решетка по-другому структурирует мотивную систему текста, выдвигая на первый план связи мотивов пути (перепутья), рассечения груди, прозрения бытия и пророка-поэта, которые невозможно в полной мере установить проекцией текста на библейский контекст. Прежде всего, однако, структура, которую мы будем именовать «прозрение бытия», проявляется в архитектонике художественного мира «Пророка», т.е. в принципе внутреннего развертывания целостности³, и участвует в его конструировании, вплетаясь в структуры мотивов и хронотопов.

Турецкая сказка «Ашик-Кериб» М.Ю. Лермонтова рассматривается в контексте эзотерической традиции: в этой части диссертации предлагается осуществить проекцию данного текста на традицию поэтики персидской и тюркской суфийской литературы, что заставляет по-новому оценить некото-

¹ Березкина С.В. «Пророк» Пушкина: современные проблемы изучения // Русская литература. 1999. №2. С. 27—42.

² См. в этой связи: Черняев Н.И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». М., 1898; Фридман Н.В. Образ поэта-пророка в лирике Пушкина // Ученые записки МГУ. Вып. 118. Кн.2. М., 1946; Степанов Н.Л. Лирика Пушкина. М., 1974. С. 322; Нольман М.Л. Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа // Народы Азии и Африки. — 1967. — № 4. — С. 116—125; Белкин Д. Пушкин и сказки «1001 ночи» // Звезда Востока. — 1979. — № 6. — С. 146—150; Тартаковская Л. «Люблю немолчный голос твой...»: Пушкин и Восток: Сквозь призму традиционного образа // Звезда Востока. — 1979. — № 6. — С. 151—155; Сафа Махмуд Альван. А.С. Пушкин и Арабский Восток: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1985; Атаханов Д.Т. Восточные мотивы в творчестве А.С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2000; Челышев Е.П. Мир Востока и Пушкин // Наука в России. 1999. №1. С. 75—81; Фоменко И.В. Три пушкинские отсылки к сакральным темам // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. М.; Тверь, 2000.

³ См.: Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 17.

рые текстовые данности. В частности, это касается: имени главного героя — Ашик-Кериба; образа всадника на белом коне — Хадерилиаза; мотивов судьбы и чудесного прозрения.

Исследование мусульманского текста в творчестве М.Ю. Лермонтова имеет большие перспективы, поскольку мусульманские мотивы творчества М.Ю. Лермонтова входят в комплекс так называемых философско-символических, имеющих особую «структурно-содержательную градацию»¹: с одной стороны, обобщенно-мировоззренческий смысл задан самим опорным понятием (странничество, восток, судьба, книга), философско-символическая репрезентативность других выявляется лишь в процессе их многоаспектного анализа: это общие для всего творчества Лермонтова мотивы земли и неба, сна, игры и пути (См., например, в связи с этим: «Жалобы турка», «Испанцы», «Кинжал», «Спор», «Измаил-Бей», «Выхожу один я на дорогу», «Небо и звезды», «Мой дом», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек», «Две невольницы», «Дары Терека», «Три пальмы», «Валерик»).

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования:

1. Мусульманский текст русской литературы — сложное знаковое амбивалентное образование, сгенерированное в структуре русского романтизма 1820—1830-х годов. Его появлению и многоаспектному оформлению способствовало множество факторов, как внешнего (аналогичные тенденции в западноевропейских литературах), так и внутреннего характера. Философия мусульманского текста тесно связана с философским содержанием священной книги мусульман — Кораном, хорошо известным русскому романтизму и с мистической философией ислама — суфизмом. Учитывая многие особенности суфийской поэтики на примере текстов Хафиза, Руми, Султана Веледа и др., мы предложили тезис о включении в мусульманский текст русской литературы ранее выпадавшие из данного ряда мотивы *возлюбленной, вина, прозрения бытия, странничества* и др., что делает его многоуровневым, с усложненной семантикой, синтактикой и прагматикой.

Формула генерации мусульманского текста может быть представлена следующим образом: внутренние и внешние предпосылки интереса русских авторов к исламу — мистическая традиция XVIII века — переводы из европейских языков (интерференция мистических и философских компонентов) начала XIX века (В.А. Жуковский) — «западно-восточный синтез» А.С. Пушкина — массовое, «тиражированное» увлечение Востоком (поэзия бедуинов, «1001 ночь», Хафиз, Джами) — закрепление традиции использования мусульманских мотивов и компонентов мусульманской ментальности для выражения собственной индивидуальности и ощущения «мирового единства» (М.Ю. Лермонтов).

Мусульманский текст русской литературы включен в ряд других традиционных для русского романтизма религиозно-философских дискурсов: хри-

¹ Об этом см.: Щемелева Л. М., Коровин В. И., Песков А. М. и др. Мотивы // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 291.

стианство, масонство и др., прочно занимая свою нишу в структуре толерантного мышления русского романтизма.

2. Одна из самых значимых текстообразующих категорий мусульманского текста — это *хронотоп* «мусульманского Востока». Образ Востока при этом приобретает универсальный характер, становясь особой мыслительной категорией и важным механизмом преодоления культурной замкнутости с выходом в сферу онтологического переживания мирового единства.

Базовыми характеристиками этого хронотопа можно считать сверхпространственность, атопию и амбивалентность: в таких текстах, как «Талисман» А.С. Пушкина, «Три пальмы» М.Ю. Лермонтова, «К Воейкову» В.А. Жуковского, «Дележ добычи» А.С. Грибоедова, «Моя любовь» В.И. Туманского, «Вечер в Тавриде» Е.П. Зайцевского, «Вечер на Кавказе» В.Н. Григорьева и т.п. образ Востока имеет мало общего с географическим Востоком. Однако значимость этого образа состоит в том, что, сформированный усилиями многих авторов в 20—30-е годы XIX века, он способствовал позиционированию русской культуры в мировом духовном пространстве. В указанный период в структуре романтического стиля сформировалась устойчивая внутренняя готовность к восприятию мусульманских элементов с положительным или отрицательным знаком, что свидетельствовало о трансформации культурного фона русской литературы. В результате этих процессов происходит формирование «моего Востока» отдельного автора, и на более высоком уровне — «нашего Востока» русской литературы.

3. В диссертации подробно рассмотрены тексты, анализ мусульманских компонентов которых способствовал раскрытию особенностей функционирования мусульманского текста: «Пророк» А.С. Пушкина, «Ашик-Кериб» М.Ю. Лермонтова, «Мулла-Нур» и «Аммалат-Бек» А.А. Бестужева-Марлинского и «Ода Гафица» Д.П. Ознобишина. Кроме того, первый параграф второй главы был посвящен анализу мусульманских компонентов в «Хожении за три моря» А. Никитина: этот раздел был специально разработан, чтобы выявить на основе сопоставления с первым в русской литературе случаем столь глубокого проникновения в мусульманскую ментальность выделить основные генеративные параметры мусульманского текста русской романтической литературы, имеющие духовный обертон: динамика в пространстве, прозрение бытия, ситуация «свой среди чужих, чужой среди своих», духовный поиск, мистицизм, возвращение. Эти параметры следует рассматривать как мотивы, включающие в свою структуру множество субмотивов, и как хронотопы, через которые осуществляется выход в символическое пространство.

4. Анализ стихотворения Д.П. Ознобишина «Ода Гафица (Из книги «Даль» его дивана)» показал, что при переводе в русском тексте сохраняются основные черты поэтики суфийской газели: единство интонации, логика сочетания и последовательность мотивов, редиф, мотивы возлюбленной и любовного опьянения. В результате на языке «второго порядка», т.е. на метафорическом уровне прочтения текста, имеет место трансформация всей художественно-изобразительной системы стихотворения, и художественные эле-

менты, предлагающие развитие любовно-эротической темы, превратились в религиозно-философские символы, удовлетворяющие основным критериям познания бытия в мистических системах Запада и Востока.

5. Корпус беллетристических произведений исследуемой эпохи составил «резонирующую среду» мусульманского текста: широта и разнообразие используемых мотивов массовой литературы, генетически связанных с исламом и мусульманской культурой, могут быть рассмотрены на примере двух достаточно популярных произведений А.А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур» и «Аммалат-Бек». В этих произведениях функционируют следующие мусульманские мотивы: имена Аллаха, поминовение имамов, Коран, характеристика горца, «обрусение» мусульманина и др. Кроме того, автор демонстрирует знание теологических споров (различение суннитов и шиитов) и эсхатологии ислама.

6. Наибольшее значение для формирования мусульманского текста русской литературы имеет творчество А.С. Пушкина. Именно в структуре таких его произведений, как «Подражания Корану», «О дева-роза, я в оковах», «Виноград», «Пророк» и т.д. осуществляется главный в этот период образец «западно-восточного синтеза». Только благодаря Пушкину мусульманские компоненты художественных текстов закрепились в виде сложного, амбивалентного семиотического образования, а не растворились в системе «общих мест» массового романтизма.

Стихотворение А.С. Пушкина «Пророк» рассматривается в диссертации в связи с проблематикой «западно-восточного синтеза». В этом тексте выделяется «скрытая структура» — семантическая решетка, которая структурирует мотивную систему текста, выдвигая на первый план связи мотивов пути (перепутья), рассечения груди, прозрения бытия и пророка-поэта, которые невозможно в полной мере идентифицировать как библейские. Прежде всего, генетически связанная с мусульманской традицией структура, которая в настоящем исследовании именуется «прозрение бытия», проявляется в архитектонике художественного мира «Пророка», т.е. в принципе внутреннего развертывания целостности, и участвует в его конструировании, вплетаясь в структуры мотивов и хронотопов. В результате создается многоуровневое пространство с взаимопересекающимися рядами смысловых линий, позволяющих осуществить свое прочтение и «библейским» и «кораническим» кодами. Проекция стихотворения на традиции мусульманского мистицизма по-новому раскрывает содержательность художественной структуры текста.

7. «Закреплением» пушкинских традиций «западно-восточного синтеза» на уровне глубокого осмысления мусульманских концептов можно считать творчество М.Ю. Лермонтова. В структуре многих его произведений можно найти свидетельства того, что такие понятия, как «судьба», «демон», «странничество», «Бог» осмысляются в определенном соответствии с мусульманской философской традицией. В качестве примера анализа подобных элементов с позиции их системного единства исследована турецкая сказка Лермонтова «Ашик-Кериб». Аллегорический уровень текста раскрывается такими

суфийскими понятиями, как «странничество», «судьба» и «чудесное прозрение».

Работа завершается изложением перспектив дальнейшего исследования поставленной проблемы:

1. Функционирование мусульманского текста не ограничено периодом 1820—1830-х годов. Сформированный в структуре романтического стиля, мусульманский текст до настоящего времени продолжает свое активное существование в семиотической системе русской литературы, проявляясь в качестве существенного компонента в структурах как вторичных, так и первичных стилей.

2. С возникновением кинематографа и с развитием средств массовой коммуникации мусульманский текст, сохраняя основные параметры, отмеченные нами в настоящем исследовании, трансформировался в мусульманский текст русской культуры — явление более обширное, внутри которого происходит постоянное взаимовлияние стилей и разных видов искусств. Рассмотрение данной проблематики на основе всех этапов и с учетом литературной и внелитературной форм его функционирования является актуальной темой дальнейших исследований.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Алексеев П.В. Особенности исследования мусульманского текста в русской литературе // Культура и текст. Миф и мифопоэтика. — Санкт-Петербург—Самара—Барнаул, 2003. С. 93—97.

2. Алексеев П.В. Семиотика «Священного Писания» в аспекте русско-мусульманской межкультурной коммуникации // Наука. Культура. Образование. — Париж—Горно-Алтайск. — 2004. — № 15/16. — С. 149—151.

3. Алексеев П.В. Мусульманский текст в поэзии А.С. Пушкина («Пророк») // Диалог культур. 6: Сборник материалов 6-й Межвузовской конференции молодых ученых. Барнаул, 2004. С. 71—89.

4. Алексеев П.В. Опыт интерпретации скрытых структур художественного текста. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2005. — 25 с.